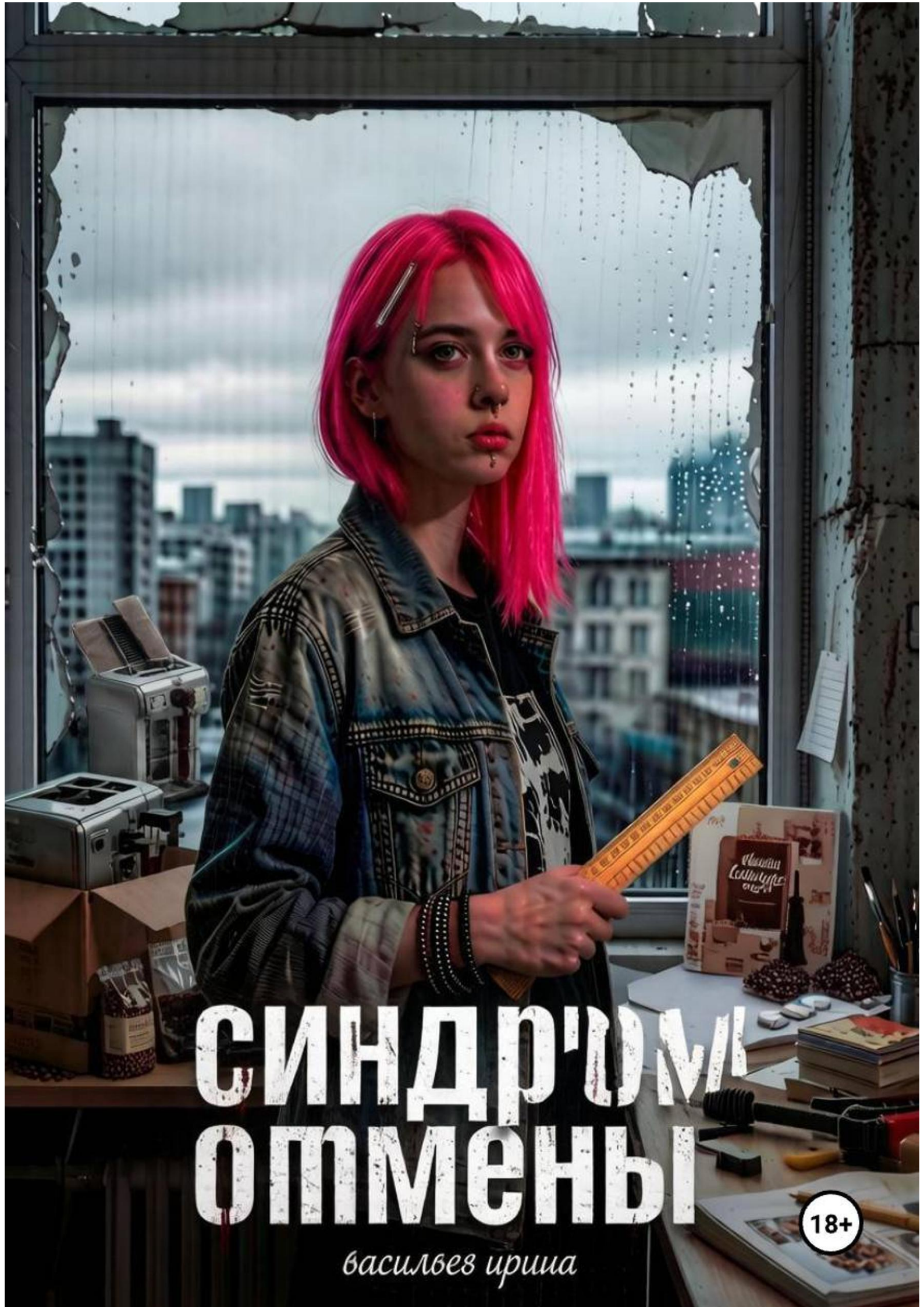

СИНДРОМ ОТМЕМЫ

Васильев Ирина

18+

Ирина Васильева

Синдром отмены

«Автор»

2026

Васильева И.

Синдром отмены / И. Васильева — «Автор», 2026

Арина привыкла измерять свою жизнь градусами протеста. Розовые волосы, пирсинг и ненависть к отцу-инженеру — её единственный способ чувствовать себя живой в стерильной клетке ипотечной квартиры. Оказавшись на улице без денег и опоры, Арина вынуждена собирать себя по частям из обломков чужих жизней: спать на мешках с кофейным зерном, работать мойщиком полов у циничного владельца забегаловки и глушить панические атаки антидепрессантами. Чтобы не сойти с ума в промозглой серости мегаполиса, она берется за единственное, что умеет делать идеально — чинит сломанные механизмы. Арина использует чертежную линейку отца как оружие против его же памяти, пытаясь понять: можно ли создать что-то живое на фундаменте мертвого бетона? «Синдром отмены» — это жесткая, предельно честная история взросления поколения, которое выросло в интернете, но вынуждено учиться жить в реальности. Роман о том, как инженерная логика помогает склеить разбитую психику.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Иллюзия свободы.	5
Глава 1. Розовый пепел.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Синдром отмены

Часть I. Иллюзия свободы.

Глава 1. Розовый пепел.

Глинистая жижа чавкала под тяжелыми ботинками на рифленой подошве. Октябрьский ветер, сырой и колючий, забирался под черную косуху с сотней металлических заклепок, но Арине было плевать. Она стояла у самого края свежеврытой ямы, переминаясь с пятки на носоток — привычка из детства, когда отец заставлял её стоять по часу в углу за невымытую посуду.

Земля была черной, жирной, неестественно яркой на фоне пожухлой травы кладбища. В эту яму опускали два полированных гроба. Сначала отца — массивного, тяжелого, как его характер и ГОСТы, по которым он сверял свою жизнь. Теперь матери — легкой, почти невесомой коробки, обитой бледно-голубым шелком. Цвет выбрал дальний родственник, потому что «голубое успокаивает, Аринушка, твоей маме бы понравилось». Арина стиснула зубы так, что свело скулы.

Её волосы цвета вырвиглаз-розовой сахарной ваты падали на лицо. На макушке топорщился выбритый висок с татуировкой в виде микросхемы — память о пьяном споре с мастером в подпольном салоне в семнадцать лет. Поверх растянутого платья-футболки с выцветшей надписью кислотно-зелеными буквами «НЕ ВАШЕ ДЕЛО» была накинута кожаная куртка, пропахшая бензином и свободой. Свободой, которая теперь официально началась.

Вокруг перешептывались тени в драповом сукне и старомодных шляпках. Тетя Валя из Сызрани, троюродный дядя Коля, папин бывший начальник цеха. Они сбились в серо-черную кучу, источая запах нафталина, корвалола и дешевых поминальных бутербродов.

— Совсем стыд потеряла, — прошелестел голос тети Вали, достаточно громкий, чтобы быть услышанным. — На кладбище, как на дискотеку. Ни слезинки ведь, истуканом стоит.

— Сирота... — сочувственно вздохнул кто-то еще.

— Каково ей теперь одной-то? Пропадет девчонка без родительской руки.

Арина медленно повернула голову. Её взгляд был пустым, прозрачным, как зимнее стекло. Она посмотрела прямо на тетю Валю, затем перевела глаза на дядю Колю. Родственники замолкли и инстинктивно сделали шаг назад, пряча взгляды. Для них она всегда была ошибкой системы, бракованным элементом, который строгие родители почему-то не смогли отправить на переплавку. Сейчас эта ошибка смотрела на них без злобы. Только с брезгливым любопытством энтомолога.

Она ничего не чувствовала. Внутри, там, где у нормальных людей при виде опускающихся в землю родителей должен разливаться ледяной ужас или рваться душа от горя, было лишь огромное, звенящее облегчение. словно после долгой ангины наконец спала температура, и можно снова дышать полной грудью.

Надзиратели умерли.

Мысль была кошунственной, чистой и абсолютно трезвой. Двадцать три года своей жизни Арина провела в колонии строго режима, где стенами были их непоколебимые убеждения. Отец выстроил этот периметр из цифр, графиков дежурств по дому и фраз вроде «девочка из приличной семьи не смеет». Мать натянула поверх этой колючей проволоки уютные сети из тревожных звонков:

«Ты поела?», «Переходи дорогу только на зеленый», «Почему ты плачешь, мы же просто хотим тебе добра».

Их любовь была идеальным тюремным расписанием. Подъем, работа, отбой. Шаг вправо, шаг влево — расстрел молчанием на неделю.

Отец никогда не бил её. Это было бы слишком эмоционально, а эмоции нарушают регламент. Он наказывал её чертежными карандашами. Заставлял перерисовывать тушью графики функций до тех пор, пока костяшки пальцев не начинали кровоточить, потому что наклон штриха в 45 градусов — это закон физики, Арина, а ты позоришь мою фамилию. Мать же лечила эти стертые пальцы перекисью водорода, целовала в лоб и тут же добавляла: «Видишь, до чего доводит непослушание? Папа просто очень переживает».

Они убили в ней девочку задолго до того, как инфаркт и тихая онкология забрали их самих. И вот теперь они лежали там, внизу. Окончательно правые во всем. Идеальные даже в смерти.

Священник монотонно читал молитву, слова вязли в сыром воздухе. Кто-то толкнул Арину в бок, протягивая ком смерзшейся земли.

— Доченька, брось горсточку. Путь пухом будет...

Рука в обрезанной кожаной перчатке с отрезанными пальцами приняла землю. Земля была холодной, мертвой. Абсолютно такой же температуры, как сердце её отца. Арина размахнулась. Она не стала картинно сыпать грунт на крышку гроба, изображая скорбь. Она швырнула свой комок прямо в центр зияющей глиняной пасти, метя между двумя погребальными цветами. Ком ударился о дерево с глухим, удовлетворяющим стуком.

Раздался тихий вздох ужаса среди родственников. Священник запнулся.

Арина развернулась. Косуха хлопнула на ветру, как крылья огромной вороной птицы. Не глядя больше ни на могилу, ни на серый гранит будущего памятника, уже оплаченный отцовскими накоплениями, она пошла прочь по центральной аллее.

Она шла мимо чужих дат, чужих эпитафий, чужих искусственных роз. Каблуки тяжелых мартинсов уверенно впечатывались в мокрый асфальт. Ей нужно было успеть на последний автобус до города. Сегодня вечером подруга Соня обещала достать билеты на андеграундный рейв в заброшенном депо. Раньше мать позвонила бы уже трижды, требуя отчета, где она. Раньше отец заблокировал бы карту за «недостойное поведение дочери».

Телефон в кармане косухи вибрировал. Арина достала его, даже не посмотрев на экран, и сбросила вызов. Затем зашла в настройки, нашла номер «Мама» и нажала кнопку «Удалить контакт». Экран мигнул, подтверждая действие.

Впереди, за чугунными воротами кладбища, шумела обычная городская жизнь. Ревели моторы, сигналили машины, люди куда-то бежали под дождем. Там не было никаких ГОСТов. Там никто не знал, какой наклон штриха правильный.

Арина плотнее застегнула молнию косухи, натянула капюшон на свои розовые волосы и шагнула под дождь. Первый день её настоящей, единственной жизни начался с похорон её создателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.